

Несостоявшееся выступление Игоря Бурдонова на вечере памяти В. Б. Микушевича в Центральном доме литераторов 27 октября 2025

Оно не состоялось, потому что не хватило времени, да и потом я уже выступил вместе с Ли Цуйвэнь.

КНИГА СНОВИДЕНИЙ

Владимир Борисович приснился мне 4 дня назад в ночь с 22 на 23 октября.

Я записал этот сон, а потом вспомнил, что за два дня до этого Мария Панфилова сообщила мне, что Татьяна Владимировна хотела бы, чтобы я выступил здесь сегодня.

Я позвонил Татьяне Владимировне, она подтвердила и сказала, что сегодня, т.е. 23 октября, тяжёлый день.

А я забыл, что это за день.

Татьяна Владимировна напомнила: 23 октября прошлого года скончался Владимир Борисович.

Вы, говорит она, были на похоронах и поминках 25-го, а скончался он в ночь на 23 октября.

Тогда всё понятно, сказал я.

Но начну я со стихотворения, написанного 8 октября 1995 года.

Я тогда ходил на лекции и семинары Владимира Борисовича, которые он читал и вёл в Институте журналистики и литературного творчества в здании «Литературной газеты».

Меня туда привели Виктор Коллегорский и Борис Скуратов.

В стихотворении упоминаются и другие участники тогдашних встреч с Микушевичем на его лекциях и семинарах.

МНЕ ПРИСНИЛСЯ ВОЛОДЯ КАНТОР

Мне приснился Володя Кантор,
в синем небе плывущий под белым
облаком,
подобный девочке-парашютистке —
такой же весёлый и бесстрашный.

А в центре зелёного луга,
 поднявши голову,
 Боря Скуратов
следил полёт подобно спутниковой антенне
—
 такой же чуткий и направленный
остро.

И укрывая его от холодного ветра
 тёмным крылом,
 Виктор Коллегорский
говорил лимериками,
 что оканчивались одной и той же
фразой:
"Не бойся летящего! Это всего лишь
Кантор".

Я же прятался в колючих кустах
шиповника,
 подобный птице-удоду —
 такой же грустный,
и выглядывал с другого конца кустов,
 похожий на гриб-боровик,
 подобный лысине китайского
мудреца,

боясь пропустить:

Как Володя Карпец под руку поведёт
 Владимира Борисовича Микушевича
 в долгую аллею осени.
Бесподобный ведут разговор,
 кружащийся листьями золота и
киновари
 в ясном тумане неяркого солнца
лучей.

Я подбегу к ним и крикну:
" Вот!
Это книга сновидений,
которую я добавляю в собрание моих
сочинений,
хранящееся у Владимира Борисовича
Микушевича.
Она начинается довольно забавно:
"Мне приснился Володя Кантор летящий..."

Впечатление от Владимира Борисовича
я попытался изобразить в английском
сонете, который написал два года спустя, в
97-м.

Но, поскольку это сон, оно немножко дурацкое.

И ещё Владимир Борисович говорил:

«Если вы начинаете рассказывать сон, вы быстро убеждаетесь, что рассказываете не то, что вам на самом деле снилось».

Мне снилось, что я — Микушевич

и лекцию должен прочесть
о том, кто такой Пуришкевич
и с чем его надобно есть.

Я быстро на кафедру вышел.

Дыхание зал затаил.

Я рот открываю — и слышу:
речет за меня Михаил.

ну, это который архангел

И голос как будто похожий,
и та же на мне борода.
Но как говорю я, о Боже!
Слова — как святая вода!

Я тростью пронзаю дракона!
И слышу... будильника звоны...

Сон в ночь на 23 октября я сначала, как и положено, записал прозой как одно предложение, но тут же увидел, что если не мучиться с запятыми, а просто разбить на строки, то получатся стихи, а запятые внутри сами собой отпадут.

Только точку в конце оставил.

Грань между прозой и стихом зыбкая.

Как сказал Владимир Борисович «Мы говорим во сне стихами».

ОПЫТ ЗАПИСИ ОКТЯБРЬСКОГО СНА

Мне снился Микушевич
комната

там справа от окна кровать
под балдахином
здесь круглый стол

Микушевич встал перебирая
какие-то бумажки

пошёл к столу

кто-то спросил «Что такое ‘чувство юмора’?»

Микушевич молчал
глаза не поднимал
он всё перебирает бумажки
какие-то обрывки пожелтелые
мне пришлось ...
иду к окну
другому
тёмному
наверное ведёт в другую комнату
тёмную
говорю
«В космическом пространстве
'чувство юмора' невозможно определить
никто не знает»
выпил что-то красное
Микушевич перебирает
бумажки обрывки пожелтелые
а кажется что смотрит исподлобья
на воздух хочется
в сад выхожу в парк в деревню
трава деревья дорожка соседи
выбрасывают что-то упакованное в плёнку
автобус неудачно встал
ещё дореволюционный автобус советский
к забору прижался
придётся лезть через другую дверь или окно

дождь
резиновые сапоги мешают
они зелёные и тяжёлые
один я снял
другой никак
в автобус в сапогах нельзя
тут подошли другие потянули
сапог стащился наконец я наконец
в автобусе на этом всё.

Проснувшись, думал:
Владимир Борисович,
что Вы хотели мне сказать?
Я ничего не понял.

Я хочу закончить стихотворением,
которое написал 15 декабря прошлого года.

Оно родилось потому, что я слышал о
том, что Владимир Борисович видел в
детстве Деву Марию.

7 января этого года на Рождество
Татьяна Владимировна подтвердила это в
радиопередаче радиостанции «РАДОНЕЖ».

Она тогда сказала:

«Я прочла в дневнике его мамы, что Володя до девяти месяцев не любил гулять.

А потом вдруг ему это понравилось, он стал лежать в колясочке и смотреть на небо, очень радовался.

В 43-м году, во время войны, бабушка повела его в Елоховскую церковь.

И когда он вошёл, он увидал наверху образ Девы Марии.

Он говорит: «Я видел эту тётю! Я её видел!»

«Где ты её видел?» «На небе».

И вот, понимаете, с тех пор, ему ещё не было года, он запомнил этот образ, и когда он его увидел, он навсегда его полюбил».

[конец цитаты]

Мне говорили, что меня крестили в этой церкви, но этого я не помню.

Зато помню, что тоже в детстве, не знаю, сколько мне тогда было лет, но мало, бабушка тоже повела меня в Елоховскую церковь. Это были уже 50-е годы.

Мы жили неподалёку, на Бакунинской улице, которая как раз от Елоховской площади (тогда Бауманской) и начинается.

Но у меня никаких видений не было.

Запомнил только, что нужно было стоять на коленях и бить поклоны.

Видимо я хорошо это делал, потому что меня стали хвалить старушки, что стояли рядом, тоже на коленях.

Наверное, я и запомнил-то это из-за той похвалы.

В своём последнем интервью 31 августа прошлого года Владимир Борисович как раз говорил о детях, о душевной травме рождения, о том, что дети знают, откуда они пришли и зачем, только сказать об этом не могут.

А когда научаются говорить, они уже не дети, и всё забыли.

И о том, что детей нужно хвалить и стараться их понять, а мы делаем это всё реже и реже.

И это страшная угроза человечеству.

И о том, что детский лепет, вещающий
об истине, иногда возвращается в
старческом шамканье, когда старики
впадают в детство.

ВИДЕНИЕ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Памяти Владимира Микушевича

Что ты видел, мальчик?
Тебе, наверное, показалось.
Доктор, у него жар.
Скажи-ка, старче,
это всё из-за того видения?
Поэтому ты написал такое стихотворение?
Поэтому ты не брил бороду
и сделал такую жизнь?
Миру и городу
не отвечает старец.
Но голос его звучит,
голос его откликается нашим словам,
даже тем,
страшным,
что мы боялись произнести.
Бородатое бесстрашие,

восклицательный знак трости
и многоточие вечности.
Что ты видел, мальчик?

Владимир Борисович говорил, что его
новеллы — на грани сна и яви, и в этом
плане они для него очень личные.

И вот то, что я прочитал для меня тоже
очень личное.

И ещё. Владимир Борисович, как
известно, перевёл полный корпус сонетов
Шекспира, сонеты других поэтов, и сам
писал сонеты, из которых наиболее
известны циклы «Сонеты к пречистой деве»
и «Сонеты к Татьяне».

И мне пришла в голову игра слов:

СОНЕТ — СОН? НЕТ!

Впрочем, у Иннокентия Анненского
уже был сонет, который так и назывался:
СОН И НЕТ».